научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 316.454.3

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМ: PRO ET CONTRA

ПИВОЕВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор философских наук,
профессор кафедры социально-экономических, гуманитарных и специальных дисциплин,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста РФ),
Петрозаводск, Российская Федерация, pivoev@mail.ru

Ключевые слова:
индивидуализм
коллективизм
общество
государство
власть
соборность
эгоизм
ответственность
анархизм
стадность
взаимозависимость
контроль

Аннотация:
Формирование менталитета и поведения народов происходит под влиянием географических, экономических, религиозных, политических и других оснований. Особенно важна система ценностей, формирующаяся на основе мифологических и религиозных представлений, поскольку она «закрепляется» в сфере «коллективного бессознательного» и дополняется в детском возрасте устным народным творчеством. Важное значение имеет и выработка групповой и индивидуальной самоидентичности на основе сопоставления «своих» и «чужих». Под влиянием «зрительной» доминанты и протестантизма в менталитете стран Северной Европы сформировалось преобладание индивидуализма, а в странах Востока доминирование коллективизма и групповой ответственности было вынужденным ответом на угрозы внешней враждебной среды и выстроено на фундаменте духовного (религиозного) сплочения и общественной собственности на землю.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 января 2024 года Опубликована: 27 февраля 2024 года

Введение

В развитии жизни на нашей планете, как указывал А. Бергсон, взаимодействовали два энергоинформационных потока – инстинкт и интеллект. В одних случаях (у животных) доминировал инстинкт с минимальным уровнем интеллекта, в других (у человека), напротив, активно развивался интеллект, оттесняя на задний план роль инстинктов.

«Всякий индивид – часть общества, и никто не может своей персоной подменить ни общество, ни тем более – человечество. Вне общества новорождённый не может стать человеком, чему примером судьбы реальных, а не мифических “маугли” – детей, которые в силу разных причин были воспитаны животными: подавляющее большинство тех “маугли”, кого поймали и пытались вернуть к жизни в обществе людей, – так и не смогли состояться в качестве членов общества и вскорости умирали. Так же и судьбы реальных “робинзонов”, которые оказались на необитаемых островах и в одиночку прожили многие годы, в их большинстве оказывались трагичными: многие деградировали как личности и не смогли вернуться к жизни в обществе даже при помощи профессиональных психологов и психиатров. Тем не менее множество людей на протяжении истории прожили и проживают ныне свои жизни, не осознавая ни своего потенциала личностного развития, ни характера организации жизни своих обществ и взаимосвязей индивидов в них, ни возможностей освоения потенциала личностного развития и

улучшения качества жизни обществ и человечества в целом на этой основе» [8: 11].

Формирование менталитета народов происходит под влиянием нескольких оснований: географических, экономических, религиозных, политических, культурно-психологических… Особенно важна при этом выработка групповой и индивидуальной самоидентичности на основе сопоставления «своих» и «чужих» («мы» и «они»), в результате которой «“мы” стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей» [20: 78-84].

Общество возникает на пересечении противоречивых отношений различных групп людей:

– своих и чужих;

– свободы (опасности, риска) и зависимости (защищенности);

– индивидуализма и коллективизма;

– эгоизма (самосохранения) и альтруизма (взаимопомощи);

– иерархизма и равенства;

– господства и подчинения;

– традиционализма и динамизма.

Государство порождается обществом в связи с потребностями гармонизации этих противоречивых интересов, которые устранить нелегко, но необходимо хотя бы сгладить, обеспечить компромисс. Как писал американский политический деятель Т. Пейн:

«…Общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему частью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель. Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами» [19: 21].

Интересы общества и государства не вполне совпадают, их различие можно представить в таблице.

Таблица 1

Общество	***Государство***
Возникает стихийно на основе переживания общности интересов и народного суверенитета, условий природной среды	Формируется сознательно на основе необходимости защиты государственного суверенитета, экономических потребностей и территории
Этнические обычаи и традиции, общественное мнение	Государственное управление политикой и экономикой
Социальные (моральные) санкции	Политические санкции, угроза (и применение) насилия (принуждения)
Инициатива и творчество	Дисциплина и исполнительность
Противоречивое единство амбиций и претензий на уважение	Равенство перед законом, заслуги перед государством
Плюрализм личных интересов	Единство государственной политики
Правда и справедливость	Право и закон
Опасность анархии, произвола, бунта толпы	Порядок, но и опасность «тирании» большинства, уравнительность, блокирование инициативы

Нормы морали изначально распространяются только на «своих», «чужие» – вне морали, на них представления о чести и справедливости не распространяются. У. Самнер ввел термин «этноцентризм», обозначающий право на ценностный приоритет самоидентификации «мы-группы» («свои») по отношению к любым «они-группам». Но понятие «свои» исторически имеет разный объем. На первых порах в сферу «своих» входили только члены семьи, рода, позднее объем расширился до включения в него соплеменников, представителей этноса, обладающих едиными расовыми и культурными характеристиками. И тогда представления о «своих» стало многомерным. В одном отношении «свои» – это ближайшие родственники, в другом – жители селения, в третьем – единоверцы, в четвертом – сограждане.

В современном мире миграционные процессы приводят к противоречиям, вызванным необходимостью переосмысления идентичности, усвоения обычаев и культурных норм, адаптации к «другой» культуре. Отдельному человеку приходится приспосабливаться к инокультурным нормам, но если такая проблема возникает у группы, то велика вероятность, что взаимоподдержка спровоцирует желание сохранить идентичность, отстоять свое право на сохранение своей культуры и навязать новой социальной среде свои моральные нормы.

Возникновение антиномии и претензий на приоритет «индивидуального» и «общественного» социологи связывают с формированием философской рефлексии Платона, Аристотеля об идентичности и осознанием различия индивидуальных и общественных интересов. Средневековая христианская общность в Европе стремилась сохранить духовное единство, но одновременно провозглашались индивидуальная ответственность за греховное поведение и право на личное бессмертие. Это привело в эпоху Возрождения к возвеличению статуса индивида. На этой почве в христианском сознании возник разлом, спровоцировавший появление протестантизма.

Вместе с тем, как заметил Вильгельм Вундт, «существует естественная, всюду распространенная, характерная для наивного миропонимания склонность приписывать всякое ценное или важное, значительное изобретение – личности как творцу его» [9: 56]. Не исключая значимости изобретателя, необходимо указать на предпосылки любого изобретения, информационную базу, на основе которой созрела новая идея. Так фольклористам хорошо известен феномен сказителя, который является не единственным автором былины или сказки, а чаще всего соавтором, пересказывающим сюжет, услышанный от других.

При обсуждении индивидуализма этот феномен как правило рассматривают в сопоставлении с интересами общества. В таком ключе может возникнуть негативная оценка индивидуализма как следствия эгоистических интересов, противоречащих интересам общества. Это в значительной степени упрощает и искажает суть дела. В какой-то конкретной ситуации интересы индивида и общества могут противоречить друг другу, а в других – абсолютно совпадать. Далеко не всегда полное единомыслие, равенство и тотальное повиновение являются плодотворными и благоприятными для развития общества. Стандартизация и унификация удобны для управления, но тормозят творчество и инновационность. Поэтому вопрос о положительных и негативных сторонах индивидуализма и коллективизма нельзя решать однозначно.

Еще один вопрос: почему идеи социализма были реализованы не в Европе, а в России (вопреки мнению К. Маркса, что в России такое невозможно)? Ответ может быть найден у Н. А. Бердяева [4] и у А. В. Пыжикова [21].

Итак, индивидуализм – это хорошо или плохо? Нередко его рассматривают в рамках бинарной структуры: индивид – общество. Тогда индивидуализм оказывается следованием непосредственным эгоцентрическим побуждениям, а коллективизм – рассматривается с учетом более широких контекстов и баланса интересов. В этом случае индивидуализм выглядит негативным феноменом. Но разумнее рассматривать ситуацию в трехмерном ключе: досоциальный индивидуализм – социальный конформизм – постсоциальная автономная личность, сочетающая интересы социальности и потребности личной инициативы.

Автор не претендует на полноту и бесспорность своих размышлений, призывая к обсуждению заявленных идей.

Результаты исследования и их обоснование

Сознание в процессе эволюции природы воплотилось в две формы – континуальную и дискретную. Типичным вариантом континуального сознания является пчелиный рой или муравьиная популяция. Каждое насекомое обладает минимальным специализированным набором инстинктов, служащих единому целому. И лишь вместе они выполняют общую задачу гармоничного существования и относительно зрелой формой сознания. Отдельное насекомое не обладает полноценным умом, выполняя вложенную в его память совокупность задач при минимальных адаптивных способностях. Более высокий уровень адаптивности и самостоятельности характерен для стадных животных, где инстинкт дополняется некоторым уровнем интеллекта с элементами индивидуального самосознания. Для тестирования этого уровня биологами используется зеркальный тест. Только некоторые виды животных, видя свое отражение в зеркале, отдают себе отчет, что это не другое животное, а его собственное отражение. Дискретная форма сознания сформировалась у человека, но как заметил А. Бергсон, «проходя сквозь материю, сознание на этот раз, подобно слепку, приняло форму ума, производящего орудия» [2: 225].

Один из классиков американской социологии У. Самнер (1840–1910), сопоставляя обычаи и нравы, полагал: «*Обычаи* описывают нормы, нарушение которых не угрожает целостности группы. Они напоминают правила приличия, например, требование пользоваться ножом и вилкой. *Нравы* – более строгий вид норм. К нарушителям нравов группа применяет жесткие санкции вплоть до изгнания. Они составляют групповую мораль, или нравственность. К ним относятся требования уважать старших, помогать родственникам... *Законы,* третий вид норм...» [22: 11]. Эти обычаи формируются бессознательно в мифологическом сознании на основе запрета рефлексии и критического обсуждения.

Затем процесс развития менталитета продолжился в сфере религиозного сознания: 1) мифология формировала чувства единства и взаимозависимости, равенства и иерархии; 2) буддизм: внешнее равенство и подчинение, внутреннее освобождение; 3) иудаизм: подчинение посредством законов; 4) христианство: католицизм – единство без свободы; протестантизм – свобода без единства; православие – соборное единство и свобода по взаимной любви (староверие и старообрядчество); 5) ислам: подчинение воле Аллаха. Макс Вебер хорошо показал влияние протестантизма на моральную сторону деловых отношений, когда честность становится гарантией прибыли и успешного бизнеса [7: 72]. Аналогичная ситуация сложилась в среде купцов-старообрядцев России, что хорошо показал А. В. Пыжиков.

Таким образом, коллективистская психология развивалась у восточных народов под влиянием древних религиозно-мифологических верований и православной религии, трансформированного под их влиянием христианства у славян, для мусульман, в меньшей степени это характерно для католических догматов, и еще меньше – для протестантизма. Но особенно силен дух сплоченности в общность у китайцев, корейцев и японцев. Одной из важнейших особенностей китайского сознания является «приоритет семьи и клана “старшие и младшие” против приоритета личности или общины у других; в государстве – приоритет бюрократии “начальники и подчиненные” против приоритета демократии или аристократии у других» [10: 17].

Фольклор – это, как известно, коллективное творчество. Конечно, каждый исполнитель (сказитель) привносил некоторую долю своей индивидуальности в исполняемую сказку или песню, отдавая себе отчет при этом, что он воспроизводит то произведение, которое услышал от другого сказителя, пытаясь передать те важнейшие духовные ценности, которые важно сохранить и передать молодому поколению. Эпические поэмы, созданные разными народами, выражают этап перехода от племенной стадии формирования духовной культуры к этнической. Каждый этнос нуждается в образах героя, воплощающего в себе наиболее ценные качества, которые община хотела бы воспитать у молодых своих соплеменников.

При появлении письменности стали записывать эти устные тексты, чтобы увеличить вероятность сохранения и передачи их без изменений. Таким образом фольклорный текст превращался в произведение литературы, письменный текст. При этом неизбежны существенные потери, связанные с уменьшением эмоционального потенциала и паралингвистического сопровождения устного исполнения. Сказки, кроме привычной бытовой воспитательной функции, могут выполнять и ряд других – более сложных:

– раскрывать тайны мироздания и другие тайные знания;
– указывать на цикличность бытия;
– служить астрономическим или природным календарем;
– быть хранилищем исторической памяти;
– связывать с предками;
– рассказывать об обрядах инициации, когда человек переходит из детства в зрелость;
– направлять человека на путь духовных исканий и личностного роста и т. д.

Размышляя об истоках русского коммунизма, Н. А. Бердяев писал:

«Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключатся и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, например, к социальным целям» [4: 9].

Он отмечал также присутствие в душе русского народа «сильного природного элемента, связанного с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины». Вместе с полученным из Константинополя христианством был усвоен комплекс мессианизма, убеждения об особом предназначении русского народа в мировой истории. Именно на этой почве, как полагал Бердяев, сформировались условия для усвоения идеалов коммунизма.

Однако Н. А. Бердяев не вполне понимал значение сельской общины, «мира» и старой веры как основы русского народного духа. Привитое славянам христианство оказалось в немалой степени формой, с которой были вынуждены связать свою систему духовных ценностей русские крестьяне. Не случайно эта версия христианства получила название «право-славие». Древнеславянское слово «правь» означало мир небесных богов старой веры, которых была вынуждена «славить» христианская церковь. Старая вера опиралась на руническую письменность, которая выражала образно-символическую

систему обозначения важнейших ценностей. Кирилл и Мефодий переформировали, деконструировали эту знаковую систему, чтобы приспособить ее для выражения христианства, имея целью оторвать славян от древней веры, заместить ее греческой ортодоксальной религией.

Новым испытанием для духовного развития Руси стали реформы Никона, который попытался разрушить глубинные корни старой веры и приблизить христианство к римским идеалам. Не случайно одним из самых деятельных распорядителей церковного собора в Москве 1666–1667 годов стал бывший священник Паисий Лигарид, перешедший из католичества в православие и лишенный сана Патриархом Иерусалимским. В нашей литературе недостаточно исследованы и описаны различия и взаимосвязь староверия и старообрядчества, особенно старообрядчества «беспоповского». А. С. Хомяков высказывал верные мысли о роли сельской общины как социального фундамента русского народа, но, как заметил А. В. Пыжиков, славянофилы не осознавали связи религии и экономики в жизни сельской общины. В результате раскола «Россия разделилась внутри себя: на географической карте страна была единой, на деле же образовались два социума, чье религиозное размежевание обрело различную социальную и культурную идентификацию» [21: 97]. Основой экономики русского государства было сельское хозяйство, связанное с землепользованием.

«…Все экономические представления дворянства прочно ориентировались на незыблемость института частной собственности. Этот базовый принцип ведения хозяйства обеспечивал в их глазах наиболее естественный путь развития, позволявший эффективно реализовывать свои интересы. У староверов же вследствие дискриминационного положения предельную актуальность приобретали задачи, связанные прежде всего с выживаемостью во враждебной им среде. Наиболее оптимальным инструментом для этого, позволяющим максимально концентрировать как экономические, так и духовные ресурсы, стала знаменитая русская община. Именно поэтому не частнособственнические, а общинно-коллективистские отношения оказались тем фундаментом, на котором происходило хозяйственное и управленческое устроение раскола» [21: 97].

В сознании русского человека среди фундаментальных ценностей особенно ценились правда, справедливость, равенство и воля. Они имели бóльший вес, нежели закон. В правовом сознании Запада закон и справедливость отождествлялись. Для русского человека справедливость понималась в двух смыслах – моральном и правовом, причем моральный смысл был важнее, поэтому, если закон несправедлив, то его можно игнорировать, не исполнять. Отсюда недалеко до представлений о безгосударственности, ликвидации внешнего («чужого») контроля государства за жизнью общины [1: 287-348].

Привнесенное в Россию христианское понимание ценности человеческого индивида не могло вписаться в наш менталитет, поскольку оно не соответствовало прочным узам духовной сплоченности и взаимозависимости в рамках общинного самосознания. По словам А. В. Пыжикова,

«…важно понять, что община являлась для народа такой социальной сферой (в современном смысле этого слова), где все ее члены, даже ещё не родившиеся, были гарантированно обеспечены земельным участком пусть не лучшего, но, главное, не худшего, чем у других, качества. И в представлении русского мужика это отвечало понятию справедливости. А вот от частного собственника, с его навыками присвоения и жаждой накопления, справедливости ожидать не приходилось, из-за чего этот базовый институт цивилизованной экономики не вызывал в народе ни оптимизма, ни одобрения. К тому же само понятие собственности для человека с общинной психологией было неразрывно связано с трудом. Любые имущественные приобретения без трудовых усилий считались незаконными и несправедливыми. А частное владение землей, недрами, водами вообще рассматривалось как невозможное, поскольку эти богатства не являются продуктом человеческой деятельности. Отсюда проистекало и пренебрежительное отношение русского народа к гражданско-правовым нормам и законам, обслуживавшим институт частной собственности» [21: 528].

Именно на неприятии частной собственности основывалась борьба сторонников старой веры против полицейского государства:

«Существование в лоне никонианского государства предопределило иную организацию хозяйственной модели староверов, нацеленную на извлечение прибыли не для процветания отдельных личностей, а для содержания социальной инфраструктуры и нужд своего согласия. Общественная собственность, экономическая солидарность, а также соответствующее им управление – эти механизмы позволяли расколу аккумулировать материальные и духовные ресурсы. Именно на основе этих принципов староверы, восприняв экономические сигналы государства и окунувшись в

торгово-мануфактурные реалии, приступили к строительству своего социально ориентированного хозяйства» [21: 152].

Слово «соборность» было введено в философский, социологический и этнопсихологический контексты А. С. Хомяковым. Под Соборностью Церкви он подразумевал:

«целостность, отличную от католического универсализма и протестантского индивидуализма. Хомяков находил в Соборности основу русской и славянской идентичности, поскольку только в Православии, исповедуемом русским и южнославянскими народами, сохранилось аутентичное понимание кафоличности, утраченное в католической и протестантских Церквах, и, следовательно, также в мировоззрении народов, исповедующих инославные версии христианства. Вслед за Хомяковым термин “соборность” для характеристики одного из фундаментальных этносоциальных свойств рус. народа и др. слав, этносов, исповедующих Православие, стали употреблять др. славянофилы, в частности Ю. Ф. Самарин и К. С. Аксаков, который характеризовал Соборность как некое “хоровое начало”, когда личность не подавляется, но освобождается от эгоизма. В славянофильстве Соборность заняла место едва ли не главной идеологемы…Соловьёв сформулировал принцип Соборности: это единство в свободе и свобода в единстве в противоположность католицизму с его единством без свободы и протестантизму с его пафосом свободы без единства. Прот. С. Булгаков называл Соборность душой Православия» [26: 554].

По словам Бердяева, существует «круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» [3: 190].

А. С. Хомяков полагал, что соборное единство есть единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви. Он указал на такие атрибуты соборности: 1) свобода; 2) органичность; 3) благодать; 4) любовь [25: 20-22]. С. Н. Булгаков подчеркивал, что «Единение во мнениях создает секту, школу, партию, которые могут быть отменно сплочены и однако оставаться столь же удалены от соборности, как войско, руководимое одной властью и одной волей», соборность значит «не единение в объекте, а единение в субъекте, в ипостасности» [5: 411]. Современный исследователь С. С. Хоружий, указывал, что соборность есть выражение мистической природы церкви. Соборность – это органическое единство, в котором свобода каждого не ограничивает, а дополняет свободу других. При этом степень подчинения обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества принципам морали, без чего общество никаких прав на человека не имеет.

В западном Средневековье на умы и души, на поведение людей влияло чувство неуверенности в материальной обеспеченности, духовном статусе и будущей жизни. Сатана столь многочисленными искушениями и преградами ограждал путь христиан к спасению, что надежды на достижение его уменьшались до минимума. Церковь рекомендовала преодолевать эти чувства неуверенности и страха с помощью сплочения и переживания солидарности членов общины. Это переживание веры и надежды помогало преодолеть страхи и тревоги. Но в то же время, как полагал Г. Зиммель, в эпоху Возрождения сформировалось то, что называют «индивидуальностью». «Под этим подразумевается внутреннее и внешнее освобождение индивида из средневековых общинных форм, которые привязывали к нивелирующим коллективам жизнь, деятельность и основные побуждения индивида» [12: 193].

Психологической основой индивидуализма является зрительное восприятие. Оглядывая взором окружающий мир, человек ощущал себя центром этого зрительно воспринимаемого мира. Ницше провозглашал ценность эгоизма:

«Христианская слепота у Ларошфуко, который всюду видел эгоизм и полагал, что этим уменьшается ценность вещей и добродетелей! В противоположность этому я старался доказать прежде всего, что ничего иного, кроме эгоизма, быть не может, что у людей, у которых ego делается слабым и жидким, ослабляется сила великой любви, что наиболее любвеобильные прежде всего являются таковыми благодаря силе их ego, что любовь есть выражение эгоизма и т. д. Ложная оценка эгоизма подсказывается в действительности интересами: 1) тех, которым она выгодна и полезна, – стаду; 2) она заключает в себе пессимистически-подозрительное отношение к основе жизни; 3) она стремится к отрицанию наиболее выдающихся и удачных экземпляров человека; страх; 4) она имеет в виду содействие побежденным в их борьбе против победителей; 5) она влечет за собой универсальную нечестность, и как раз у наиболее ценных людей» [17: 161-162].

В противоположность эгоизму, продолжает он:

«Сострадание есть расточительность чувства, вредный для морального здоровья паразит, “не может быть обязанности, предписывающей увеличивать на свете количество страдания”. Когда благодетельствуют только из сострадания, то благодеяние, собственно, оказывается самому себе, а не другому. Сострадание покоится не на максимах, а на аффектах; оно патологично. Чужое страдание заражает нас, сострадание – это зараза» [17: 162].

Свобода индивида чревата одиночеством, озабоченностью, безнадежностью, опасностью, риском, чувством бессилия, ничтожности и ненужности. Чтобы избавиться от этого комплекса, человек добровольно устанавливает связи с миром и людьми, получает гарантии безопасности, осуществляет продуктивную деятельность. Но за это платит несвободой. При этом общество не гарантирует ему оптимальных возможностей для свободной самореализации. И тогда он выбирает такие способы «бегства от свободы», как авторитаризм, деструктивизм и конформизм. При всем их различии они решают одну задачу – преодоление собственной слабости и изолированности. Конформизм возникает вследствие нормативного и информационного давления группы и имеет два формы: 1) уступчивость – внешнее согласие при внутреннем несогласии; 2) одобрение – полное согласие с внешним давлением. Потенциал конформизма увеличивается при уменьшении компетентности субъекта-индивида, при высокой сплоченности группы и публичности ситуации [15: 292-293].

Вслед за Гёте Георг Зиммель различал две формы индивидуализма: количественный и качественный, первый из которых доминировал в XVIII веке, а второй – начиная с XIX века и до наших дней [12: 277-301]. Первый сформировался на основе сентиментализма и зарождавшегося романтического мирочувствования. Затем началось утверждение «либерального индивида»:

«Но почему мы называем этого индивида именно либеральным? Просто потому, что он принимает за данность либеральные права или они ему небезразличны – такие права, как свобода слова, право собственности, защита частной жизни и т.д. Основная идея хорошо сформулирована в теории романтического либерализма Джона Стюарта Милля, который описывает своего рода окружность, очерченную вокруг каждого индивида, границу, которую никому не разрешается нарушать» [23: 145].

Городская община в странах Европы складывались при наличии поселений:

«…Имеющих хотя бы относительно ярко выраженный торговый и ремесленно-промысловый характер, обладающие следующими признаками: наличием 1) укрепления, 2) рынка, 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права, 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономии и автокефалии, то есть управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане» [6: 34-35].

По мере роста городов возникали гильдии, цеховые организации ремесленников, которые объединялись для согласования противоречивых интересов и взаимодействия по обеспечению коллективной безопасности и защите своих прав на частную собственность. Цеховые объединения ограничивали конкуренцию, контролировали и регламентировали квалификацию ремесленников, гарантировали качество и хранили престиж объединения. Они подготавливали условия для духовно-нравственного объединения.

Как заметил Макс Вебер, две разновидности христианства оказали решающее влияние на развитие двух ментальных типов европейцев: католики более романтичны, отзывчивы, мечтательны, предпочитают устойчивое положение, размеренный образ жизни; протестанты более склонны к практицизму, расчетливости, готовы на риск ради успеха, предприимчивы, но и более безжалостны, жестоки, могут быстрее привыкать к изменению обстановки. Вебер заметил, что в европейских вузах на факультетах экономических и инженерных преобладают протестанты, а на гуманитарных – католики [7: 63]. На развитие капитализма оказали позитивное влияние именно Реформация и распространение протестантизма в Германии, Нидерландах и Англии. Поскольку протестанты отвергают посредничество священников в своем общении с Богом, это сформировало более непримиримое отношение к греху, ибо Бог все видит и нет гарантий, что грешник получит прощение подобно тому, как католический священник после исповеди дает отпущение грехов католику. Вот почему протестантам более свойственна честность в деловых отношениях, и она (эта честность) оказалось более надежным капиталом в долгосрочных рыночных отношениях, нежели стремление обмануть клиента, которое допускали предприниматели-католики. Аналогичные обстоятельства сформировали в среде старообрядцев традиции взаимной помощи, коллективной ответственности, объединенных единым духом сплочения и взаимоподдержки «своих». При этом в рамках протестантизма созрело «ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*» [7: 142].

Вопреки К. Марксу можно указать, что не столько в присвоении прибавочной стоимости в процессе производства заключается существо капитализма, сколько в денежной власти, в праве взимания кредитного процента, позволяющем «обкрадывать» нуждающегося в финансах человека. При этом происходит взаимосвязь трех мотивационных факторов: экономического, морального и религиозного. Во-первых, безвыходное финансовое состояние нуждающегося человека, которым может воспользоваться кредитор; во-вторых, кредитор делает «доброе дело», помогает решить нуждающемуся его проблему; в-третьих, согласно библейским нормам, он умножает свой капитал, считая это заслугой перед Богом. Совсем по-другому строятся отношения людей без денег: Монтескье замечал, что у народа, не употребляющего денег, потребности не велики, и удовлетворяются они легко и равномерно.

В современном обществе декларирован принцип: «Демократия принимает основным принципом равенство прав всех людей и свободную конкуренцию» [14: 312]. В реальности же равенство противоположно свободе и конкурентной инициативе.

«Так как демократия по самой сущности своих принципов благоприятствует свободе и конкуренции, которые неизбежно служат торжеству наиболее способных, между тем как социализм мечтает об уничтожении конкуренции, исчезновении свободы и общем уравнении, следовательно, между принципами социалистическими и демократическими существует очевидное и непримиримое противоречие» [14: 326].

Размышляя об истоках различия и роли индивидуализма и коллективизма в менталитете разных народов, Г. Лебон высказал такое предположение:

«У рас сильных, энергичных, достигших высшей степени своего развития, замечается – как при режиме республиканском, так и при монархическом – значительное расширение предприятий личной инициативы и постепенное уменьшение области, которой ведает государство. Совершенно противоположную роль предоставляют государству те народы, у которых отдельные личности дошли до такого умственного оскудения, что не могут рассчитывать только на свои силы. У таких народов, как бы ни назывались государственные учреждения, правительство всегда представляет всепоглощающую власть: оно все регламентирует и распоряжается мельчайшими подробностями жизни граждан. Социализм есть не что иное, как расширение такого воззрения. Он был бы диктатурой безличной, но совершенно неограниченной» [14: 8].

Монтескье давал другое объяснение. По его мнению, кочевые народы в меньшей степени нуждались в государстве, поскольку в их экономике сочетались охота, грабеж соседей (как разновидность охоты) и разведение скота на основе свободной кочевой жизни. Оседлые народы (земледельцы), напротив, нуждались в защите со стороны государства от грабительских набегов «чужих». Они охотнее жертвовали частью свободы в расчете на помощь и защиту. Это хорошо показал в фильме «Семь самураев» японский кинорежиссер Акира Куросава.

Это противоречие современные социалисты начинают понимать. Как писал И. Солоневич:

«…Весь европейский социализм пронизан ненавистью к крестьянству – и наш тоже. Маркс поносил крестьянство самыми нехорошими словами – идиотизм, кретинизм, варварство и прочее. Этот набор научных терминов унаследовали и наши социалисты. Но так как в крестьянской стране революция без помощи крестьянства казалась предприятием почти невозможным, то была придумана наживка и для крестьянства: передел земли. Только потом оказалось, что делить, собственно, нечего. И только потом социалисты показали крестьянству настоящую научную кузькину мать. Но это случилось позже» [24: 304].

Русские социалисты списали идеологию с европейских образцов, не понимая разницы между европейским крестьянином и русским: «Немецкий бауэр живет гордо и замкнуто, хищно и скучно. Он не накормит голодного и не протянет милостыни “несчастненькому”» [24: 305]. В его менталитете доминирует чувство частной собственности, суверенности, дистанцирования даже по отношению к «своим», забота о личном благосостоянии.

Социальная база для идей социализма – «неприспособленные» иждивенцы, не нашедшие своего смысла жизни и не умеющие профессионально реализовать свои возможности, рассчитывающие на благотворительность. Они не могут и не хотят работать, но претендуют на равное благополучие с другими и возможность бесплатно удовлетворять свои потребности.

Согласно теории испанского философа Х. Ортега-и-Гассета в XIX веке произошло «восстание

масс»: сплав индивида и стада. «Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – совокупность лиц, выделенных особо; масса – не выделенных ничем. Речь, следовательно, идет не только и не столько о “рабочей массе”. Масса – это средний человек» [18: 19]. Человек массы – это «посредственность, и, поверь она в свою одаренность, имел бы место не социальный сдвиг, а всего-навсего самообман. Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду» [18: 23]. Массовый человек с подозрением воспринимает тех, кто отличается от большинства.

Как отметил испанский автор, сравнивая жизнь среднего европейца с американским образом жизни:

«…Мы живем в эпоху уравнивания – уравниваются богатства, уравнивается культура, уравнивается слабый и сильный пол. И точно так же уравниваются континенты. А поскольку европеец жизненно обретался ниже, от этой нивелировки он только выиграл. Под таким углом зрения нашествие масс выглядит как небывалый прилив жизненных сил и возможностей вопреки всему, что твердят нам о закате Европы» [18: 30].

С такой однозначной оценкой трудно согласиться. В одних отношениях жизнь улучшилась, в других – заметны симптомы деградации, что неизбежно в результате «уравнивания».

Анархизм как учение направлен главным образом против власти государства, и лишь косвенно утверждает право индивида на власть [27: 316]. М. Штирнер был одним из ярких идеологов анархизма, абсолютизировавшим максимальную свободу индивида и освобождение от ответственности перед обществом и государством в вышедшей в 1844 году скандальной книге «Единственный и его собственность». Он задавал вопрос: почему человек должен подчиняться моральным принципам, заниматься интересами человечества, общества, государства, жертвуя своими личными интересами, почему стыдно быть эгоистом, который думает только о себе? Эгоизм связан с завистью и комплексом неполноценности, заставляющими человека ограничивать круг потребностей и средств их удовлетворения. Отсюда рождается «синдром дефицита удовлетворенности» и оценка себя как несчастливого.

Эти идеи были близки Ф. Ницше:

«Что обозначает эта обнаруживающаяся в моральных ценностях воля к власти, которая проявлялась до сих пор на земле в самых необыкновенных формах развития? Ответ: три силы скрыты за ней: 1) инстинкт стада против сильных и независимых; 2) инстинкт страждущих и неудачников против счастливых; 3) инстинкт посредственности против исключений. Колоссальные выгоды этого движения, несмотря на деятельное участие в нем жестокости, коварства и ограниченности (ибо история борьбы морали с основными инстинктами жизни оказывается сама величайшей безнравственностью, какая до сих пор существовала на земле…» [17: 114].

Выработанное в европейском сознании негативное отношения к коллективизму выразил Ф. Ницше [17: 120]. В процессе развития в Европе городов и промышленности в психологии людей произошли изменения.

«…Стадный инстинкт, завоевавший теперь верховенство, представляет нечто в корне отличное от инстинкта аристократического общества: от ценности единиц зависит то или другое значение суммы… Вся наша социология не знает другого инстинкта, кроме инстинкта стада, то есть суммированных нулей, где каждый нуль имеет “одинаковые права”, где считается добродетелью быть нулем…» [17: 52].

И далее: «…Стадо стремится сохранить известный тип и обороняется на обе стороны – как против вырождающихся (преступников и т.д.), так и против выдающихся над ним. Тенденция стада направлена на неподвижность, застой и сохранение, в нем нет ничего творческого» [17: 12-121].

Схожие оценки можно обнаружить у французского социолога Г. Лебона:

«Основные предложения социалистов отличаются, по крайней мере, чрезвычайной простотой: государство конфискует капиталы, рудники и имущества, распоряжается этими государственными богатствами и распределяет их между гражданами посредством огромной армии чиновников. Государство, или, если угодно, община (коллективисты сегодня не употребляют слова “государство”), стало бы регламентировать все, не допускалась бы конкуренция. Самые слабые попытки инициативы, индивидуальной свободы и конкуренции были бы пресечены. Страна обратилась бы в громадный монастырь, подчиняющийся суровой дисциплине, которая поддерживалась бы армией чиновников. Так как наследственность имуществ уничтожена, то накопление богатств в одних руках не могло бы иметь места. Относительно же потребностей отдельных личностей коллективизм принимает во внимание почти только необходимость продовольствия и заботится только о нем» [14: 67]. «Коллективистское

государство даст всем гражданам одинаковое, даровое и обязательное образование. Наша учебная система, это ужасное прокрустово ложе, уже давно осуществила этот идеал. Коллективистское государство будет управлять всем посредством огромной армии чиновников, которые будут регламентировать мельчайшие подробности жизни граждан. Эти чиновники уже представляют собой целые полчища, они являются в настоящее время единственными действительными хозяевами в государстве. Число их растет с каждым днем единственно вследствие возрастания законов и правил, все более и более ограничивающих инициативу и свободу граждан. Они уже надзирают под разными предлогами за работой на фабриках и за малейшими проявлениями частной предприимчивости. Нужно будет только еще немного увеличить их число и расширить их полномочия, и мечта коллективистов осуществится также и в этом отношении» [14: 68].

Критика основ социализма Г. Лебон отчасти справедлива:

«Социализм, как до конца продуманная *тирания* ничтожнейших и глупейших, то есть поверхностных, завистливых, на три четверти актеров, действительно является конечным выводом из “современных идей” и их скрытого анархизма, но в тепловатой атмосфере демократического благополучия слабеет способность делать выводы, да и вообще приходить к какому-либо определенному *концу.* Люди плывут по течению, но не выводят заключений. Поэтому в общем социализм представляется кисловатой и безнадежной вещью; и трудно найти более забавное зрелище, чем созерцание противоречия между ядовитыми и мрачными физиономиями современных социалистов и безмятежным бараньим счастьем их надежд и пожелании. Тем не менее собственников всегда будет более чем достаточно, что помешает социализму принять характер чего-либо большего, чем приступа болезни; а эти собственники, как один человек, держатся той веры, “что надо иметь нечто, чтобы быть чем-нибудь”. И это – старейший и самый здоровый из всех инстинктов; я бы прибавил: “нужно стремиться иметь больше, чем имеешь, если хочешь *стать* чем-либо большим”. Так говорит учение, которое сама жизнь проповедует всему, что живет: мораль развития. Иметь и желать иметь больше, *рост*, одним словом, в этом сама жизнь. В учении социализма плохо спрятана “воля к отрицанию жизни”: подобное учение могли выдумать только неудавшиеся люди и расы. И в самом деле, мне бы хотелось, чтобы на нескольких больших примерах было показано, что в социалистическом обществе жизнь сама себя отрицает, сама подрезает свои корни. Земля достаточно велика, и человек все еще недостаточно исчерпан, чтобы такого рода практическое поучение и demonstratio ad absurdum представлялись мне нежелательными, даже в том случае, если бы они могли быть достигнуты лишь ценою затраты огромного количества человеческих жизней» [14: 94-96.].

Можно не соглашаться с таким односторонним взглядом, но стоит поразмышлять и уяснить, в чем его справедливость.

Одномерное истолкование мотивационных процессов или подмена их причинностью сформировалось в европейском сознании под влиянием зрительной доминантности в системе рецепторов. На самом деле мотивация относительно одномерна лишь у европейцев. Но она в большой степени многомерна у россиян (что нередко приводит к непредсказуемости в их поведении) и нередко – в странах Востока. Правда, на Дальнем Востоке на особенности мотивации накладывают свой отпечаток традиции подчинения общинному стандарту.

Для коллективистского сознания характерны такие качества как забота, внимание, интерес к ближним, любовь и взаимопонимание. Христианская этика воспитывала людей в духе любви и милосердия, но одновременно требовала повиновения и строгого соблюдения принципов морали. Коллективистская этика включала в сферу «своих» всех членов сельской общины (обозначаемой в русском языке словом «мир»), не только ближних родственников, но и соседей, *единоверцев* (в христианской литературе староверие обозначается как «язычество», традиции которого перешли в старообрядчество). По мнению И. Солоневича, на этой основе сформировался «государственный инстинкт» как важная доминанта духа русского народа [24: 332]. Именно эти ценности сформировали предпосылки и привели сто лет назад к принятию утопических программ социалистического эксперимента в нашей стране.

Современное либертариантство внедряет через Интернет в сознание молодежи идеалы и ценности индивидуализма, частной собственности, суверенности индивида, безответственности, дистанцированности от близких, правом на личную жизнь, огражденную от чужого вмешательства. Сфера «своих» сужается до минимума, вплоть до эгоизма и анархизма.

Заключение

Таким образом, в основе двух морально-психологических доминант менталитета разных народов лежат «координаты» поля взаимоотношений «своих» и «чужих». Для коллективиста к «своим» относятся члены относительно устойчивой группы социального пространства доверия, духовного родства, взаимодействия и взаимозависимости. Индивидуалист сужает это поле до минимума, вплоть до себя самого, предпочитая никому не доверять и ни от кого не зависеть.

Коллективизм можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, с позиций уравнительности и стабильности, которые гарантируют традиционное устойчивое благополучие, но тормозят развитие. Во-вторых – взаимопомощь и сотрудничество, духовное родство и поддержка «своих». Но с точки зрения физики Космоса полное равенство – это смерть, энтропия, застой, однообразие, одинаковость и утрата смысла. Жизнь, напротив, – это выявление и развитие различий, непохожего, нестандартного, нового, оригинального. Стремление втиснуть человека в рамки стандартов равенства – это проявление объективно-космического закона энтропии, ведущего к застою, смерти, хаосу и бессмысленности.

Индивидуализм как доминанта самоопределения и мировоззрения в западном обществе созрел в течение столетий в результате действия следующих факторов: 1) «диктатура зрительности» и прагматизм; 2) право частной собственности и личная ответственность; 3) право на личную свободу и частную жизнь; 4) христианская идея личного бессмертия и моральный максимализм протестантизма; 5) либерализм (превращение идеи свободы в высшую ценность); 6) противопоставление героя и толпы (Карлейль); 7) страх и изоляционизм. Доминирование индивидуализма при этом не устраняет «стадного инстинкта» и сознания взаимозависимости, основанного на страхе перед реальными и воображаемыми угрозами, что приводит к стандартизации потребностей и появлению идеалов равенства.

Индивидуализм как нравственный принцип западного общества имеет свои «плюсы» и «минусы»:

Преимущества индивидуализма	***Недостатки индивидуализма***
Свобода внешняя (независимость)	Субъективная несвобода (узость кругозора)
Индивидуальная ответственность	Самоуверенность, ограниченность
Предприимчивость	Предвзятость
Инновационность	Поверхностность
Критичность	Рискованность
Рационализм	Эгоизм, склонность ко лжи
Прагматизм	Недоверчивость

Коллективизм в странах Востока сформировался под влиянием таких факторов и условий: 1) экстремальные климатические условия и вольнолюбие; 2) противопоставление «своих» и «чужих» («немцев»); 3) общественная собственность на землю и равенство; 4) взаимозависимость и необходимость взаимопомощи; 5) роль семьи (родственные узы); 6) духовное «родство» (староверие и старообрядчество), соборность; 7) доверие, сочувствие и милосердие (вера, надежда и любовь).

Коллективизм как нравственный принцип, характерный для восточного общества, имеет такие основные черты:

Преимущества коллективизма	***Недостатки коллективизма***
Внутренняя свобода	Покладливость, повиновение
Взаимопомощь, забота	Консервативность
Обмен опытом	Нерешительность
Бескорыстие и милосердие	Страх перед новым, неизвестным
Альтруизм	Зависть
Доверие и отзывчивость	Перестраховка
Оптимизм (надежда на «авось»)	Максимализм
Смекалка	Волюнтаризм

Следовательно, индивидуализм и коллективизм являются не абсолютно противоположными, но взаимодополнительными программами, которые могут быть использованы для преодоления конфликтных противоречий в развитии общества.

Список литературы

1. Анархизм: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. – СПб.: РХГА, 2015. – 1142 с.

2. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 384 с.

3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.

4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

5. Булгаков С. Н. Трагедия философии // Сочинения: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. С. 311–518.

6. Вебер М. Город. – М.: Strelka Press, 2017. – 252 с.

7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.

8. Внутренний предиктор СССР: Основы социологии: в 4 т. – СПб., 2010. – Т. 1. – 478 с.

9. Вундт В. Проблемы психологии народов // Психология народов. – М.; СПб.: ЭКСМО; TERRA FANTASTICA, 2002. – С. 9–116.

10. Девятов А. П. Практическое китаеведение: Базовый учебник. – М.: Восточная книга, 2007. – 544 с.

11. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. – 288 с.

12. Зиммель Г. Гете // Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. С. 277–301.

13. Зиммель Г. Индивид и свобода // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. – С. 193–200.

14. Лебон Г. Психология социализма. – М., 1995.

15. Майерс Д. Социальная психология. СПб.; М.; Харьков, Минск, 2000. – 688 с.

16.Маккей Д. Г. Макс Штирнер: Его жизнь и творчество: Радикальное индивидуалистиче-ское течение в анархизме. – М.: URSS, 2019. – 208 с.

17. Ницше Ф. Воля к власти // Собрание сочинений: в 5 т. – М., 2011. – Т. 4. 384 с.

18. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. –М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. –

19. Пейн Т. Здравый смысл // Избранные сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 21–64.

20.Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

21. Пыжиков А. В. Грани русского раскола: Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. – М.: Концептуал, 2016. – 536 с.

22. Самнер У. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, ма-нер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1998. № 12. С. 4-32.

23. Свендсен Л. Философия одиночества. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 272 с.

24. Солоневич И. Дух народа // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: в 2 т. – М.: Искусство, 1994. Т. 2. – С. 297–339.

25. Хоружий С. С. Хомяков и принцип соборности // После перерыва. Пути русской фи-лософии: учебное пособие. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 17– 31.

26. Цыпин В. прот. Соборность // Православная энциклопедия. М., 2021. – Т. LXIV. С. 553–554.

27. Эльцбахеръ П. Анархизм: изложение учений Годвина, Прудона, М. Штирнера, Баку-нина, Кропоткина, Туккера и Л. Толстого. – СПб.: Изд. О. М. Поповой, 1906. – 327 с.

References:

1. Anarkhizm: pro et contra / Sost., vstup. statya, komment. P. I. Talerova. – SPb.: RKHGA, 2015. – 1142 s.

2. Bergson A. Dva istochnika morali i religii. – M.: Kanon, 1994. – 384 s.

3. Berdyayev N. A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. – M.: Pravda, 1989. – 608 s.

4. Berdyayev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M.: Nauka, 1990. – 224 s.

5. Bulgakov S. N. Tragediya filosofii // Sochineniya: V 2 t. – M.: Nauka, 1993. – T. 1. S. 311–518.

6. Veber M. Gorod. – M.: Strelka Press, 2017. – 252 s.

7. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Izbrannyye proizvedeniya. – M.: Progress, 1990. – S. 61–272.

8. Vnutrenniy prediktor SSSR: Osnovy sotsiologii: v 4 t. – SPb., 2010. – T. 1. – 478 s.

9. Vundt V. Problemy psikhologii narodov // Psikhologiya narodov. – M.; SPb.: EKSMO; TERRA FANTASTICA, 2002. – C. 9–116.

10. Devyatov A. P. Prakticheskoye kitayevedeniye: Bazovyy uchebnik. – M.: Vostochnaya kniga, 2007. – 544 s.

11. Yesaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature. – Petrozavodsk: PetrGU, 1995. – 288 s.

12. Zimmel G. Gete // Izbrannoye. T. 1. Filosofiya kultury. – M.: Yurist, 1996. S. 277–301.

13. Zimmel G. Individ i svoboda // Izbrannoye. T. 2. Sozertsaniye zhizni. M.: Yurist, 1996. – S. 193–200.

14. Lebon G. Psikhologiya sotsializma. – M., 1995.

15. Mayyers D. Sotsialnaya psikhologiya. SPb.; M.; Kharkov, Minsk, 2000. – 688 s.

16.Makkey D. G. Maks Shtirner: Yego zhizn i tvorchestvo: Radikalnoye individualistiche-skoye techeniye v anarkhizme. – M.: URSS, 2019. – 208 c.

17. Nitsshe F. Volya k vlasti // Sobraniye sochineniy: v 5 t. – M., 2011. – T. 4. 384 s.

18. Ortera-i-Gasset KH. Vosstaniye mass. Degymanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya. –M.: AST: ST MOSKVA, 2008. – 348 s.

19. Peyn T. Zdravyy smysl // Izbrannyye sochineniya. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – S. 21–64.

20.Porshnev B. F. Sotsialnaya psikhologiya i istoriya. – M.: Nauka, 1979. – 232 s.

21. Pyzhikov A. V. Grani russkogo raskola: Taynaya rol staroobryadchestva ot 17 veka do 17 go-da. – M.: Kontseptual, 2016. – 536 s.

22. Samner U. Narodnyye obychai: Issledovaniye sotsiologicheskogo znacheniya obychayev, maner, privychek, nravov i etiki» // Sumner W. Folkways. – New-York: Dover, Inc., 1959. – 23 s.

23. Svendsen L. Filosofiya odinochestva. – M.: Progress-Traditsiya, 2017. – 272 s.

24. Solonevich I. Dukh naroda // Russkaya ideya: V krugu pisateley i mysliteley russkogo za-rubezhya: v 2 t. – M.: Iskusstvo, 1994. T. 2. – S. 297–339.

25. Khoruzhiy S. S. Khomyakov i printsip sobornosti // Posle pereryva. Puti russkoy filosofii: uchebnoye posobiye. – SPb.: Aleteyya, 1994. – S. 17– 31.

26. Tsypin V. prot. Sobornost // Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2021. – T. LXIV. S. 553–554.

27. Eltsbakher P. Anarkhizm: izlozheniye ucheniy Godvina, Prudona, M. Shtirnera, Bakunina, Kropotkina, Tukkera i L. Tolstogo. – SPb.: Izd. O. M. Popovoy, 1906. – 327 s.

PIVOYEV V. INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM: PRO ET CONTRA // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2024. № 1. P. 8–21.

INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM: PRO ET CONTRA

PIVOYEV Vasiliy

PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Socio-Economic, Humanitarian and Special Disciplines,
Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of Russia),
Petrozavodsk, Russian Federation, pivoev@mail.ru

Keywords:
individualism
collectivism
society
state
power
conciliarity
egoism
respon-sibility
anarchism
herd instinct
interdependence
control

Summary:
The formation of peoples' mentality and behavior is influenced by various factors, including geographical, economic, religious, political, cultural, and psychological ones. The system of values shaped by mythological and religious beliefs is crucial because it is deeply ingrained in the "collective unconscious" and further reinforced through oral folklore during childhood. The development of group and individual self-identities is particularly significant as it involves a comparison between "us" and "them". In Northern European countries, the "visual" dominant and Protestantism shaped the prevalence of individualism. Conversely, Eastern countries have developed a focus on collectivism and group responsibility as a forced response to external threats. This dominant collective mindset is grounded in spiritual (religious) unity and communal ownership of land.